

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

Е. П. Серапионова

Чехословацкие политики в донесениях советских дипломатов и вопрос установления официальных отношений между ЧСР и Россией / СССР (начало 1920-х гг.)

Серапионова Елена Павловна

Доктор исторических наук, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: serapionovae@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серапионова Е. П. Чехословацкие политики в донесениях советских дипломатов и вопрос установления официальных отношений между ЧСР и Россией / СССР (начало 1920-х гг.) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 77–102. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

Статья поступила в редакцию 28.11.2023.

Рецензирование завершено 23.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье анализируются донесения советских представителей в НКВД о политике и взглядах чехословацких государственных и политических деятелей в отношении России (СССР) в 1920-е гг. Стараясь добиться официального признания Советской России, а затем СССР, главы советского представительства в Чехословацкой республике С. И. Гиллерсон, П. Н. Мостовенко, К. К. Юрнев, В. А. Антонов-Овсенко, А. Я. Аросев в разные годы докладывали Г. В. Чичерину и М. М. Литвинову о позициях президента, министров, глав политических партий, дипломатов ЧСР по этому поводу. При этом они нередко давали развернутые характеристики чехословацким деятелям, указывали на внутренние факторы и внешние причины, мешавшие ратификации торгового советско-чехословацкого соглашения 1922 г. и установлению дипломатических отношений между двумя странами. К тому же фиксировались изменения позиций отдельных политиков по отношению к России в зависимости от внешних обстоятельств. Используемые автором и впервые вводимые в научный оборот документы Архива внешней

политики Российской Федерации и опубликованные материалы по истории советско-чехословацких отношений помогают лучше понять проблемный характер взаимоотношений двух стран и отношение различных политических сил в ЧСР к России.

Ключевые слова

Чехословацкие политики, признание СССР, советские представители в ЧСР.

Лавинообразные события 1917–1918 гг. кардинально изменили жизнь как чехов и словаков, так и народов России. Приход к власти большевиков, выход России из Первой мировой войны поставили вопрос об обмене военнопленными между ней и Центральными державами. После заключения перемирия, распада Австро-Венгрии и образования 28 октября 1918 г. Чехословацкой республики возникла необходимость установления контактов ЧСР с Советской Россией (в том числе и из-за нерешенной проблемы военнопленных), но вооруженный конфликт между чехословацкими легионерами в России и большевиками¹ отодвинул решение этой проблемы. Первые дипломатические связи между двумя странами были установлены после обмена миссиями Красного Креста летом 1920 г., когда удалось наконец в феврале 1920 г. урегулировать военный конфликт сторон².

Российскую миссию в Праге возглавил не профессиональный дипломат, а врач по профессии Соломон Исидорович Гиллерсон³,

1 См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 гг. М., 2018.

2 7 февраля 1920 г. на станции Куйтун были подписаны условия мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири, а уже 25 февраля 1920 г. народный комиссар международных дел Г. В. Чичерин обратился с нотой к министру иностранных дел ЧСР Э. Бенешу с предложением начать переговоры об установлении мирных, дружеских отношений между двумя странами. См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО). Т. 1. М., 1973. С. 312–315; 322–323.

3 Сведения о С. И. Гиллерсоне весьма отрывочны и противоречивы. Некоторые авторы называют его историком-славистом. См.: *Пацнер К.* Как советские спецслужбы вели подрывную работу в Чехословакии // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru> (дата обращения 17.04.2020).

чехословацкую – майор д-р Йозеф Скала⁴. В основном миссии должны были осуществлять репатриационные функции, в виду сохранявшегося достаточно большого числа военнопленных на территории обеих стран. Но с самого начала стороны преследовали и другие цели, отвечавшие их национально-государственным интересам. Задачей советских представителей стала ликвидация международной изоляции страны. Они старались добиться дипломатического признания Советской России, а затем СССР. Многие силы в ЧСР были заинтересованы в развитии торгово-экономических связей для получения из России необходимого молодой республике сырья и завоевания емкого российского рынка сбыта⁵. Советские представители входили в контакты с чехословацкими политиками и дипломатами, в основном рассматривая их и давая оценки их деятельности исходя из своей стратегической задачи – получения официального дипломатического признания.

Через год миссию Красного Креста сменила торговая делегация РСФСР в Чехословакии во главе с полномочным представителем России в Чехословакии Павлом Николаевичем Мостовенко⁶. Чехословацкую торгово-промышленную миссию возглавил Йозеф Гирса⁷. В марте 1923 г. Мостовенко заменил Константин Константинович Юренев, а уже в 1924 г. советским представителем в Праге стал Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, которого в 1929 г. сменил Александр Яковлевич Аросев, остававшийся на этом посту до 1933 г.

Сохранившиеся в архиве внешней политики России донесения из Праги в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) с характеристиками чехословацких политиков и дипломатов – весьма любопытные исследовательские материалы, которые, конечно, не дают полного представления об этих людях, но свидетельствуют о том, какими их видели советские представители.

Начнем с характеристик первых лиц ЧСР, которые присылались в Москву. НКИД очень интересовало отношение чехословацкого президента Томаша Гарриг Масарика к Советской России и возможности ее признания. В связи с этим К. К. Юренев 7 сентября 1923 г. подготовил для Г. В. Чичерина небольшой обзор изменений позиции Масарика

4 ДМИСЧО. Т. 1. С. 339.

5 Там же. Т. 2. М., 1977. С. 10–11, 18–19.

6 Там же. Т. 1. С. 422. О нем см.: *Станков Н. Н.* Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года – февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32.

7 ДМИСЧО. Т. 1. С. 436.

по отношению к России. По его словам, с января 1923 г. Т. Г. Масарик не выступал ни по каким политическим вопросам, и его влияние на внешнюю политику ЧСР значительно ослабло. Президент ЧСР расценивался в то время многими в стране как очень почтенная и уважаемая фигура, но «уже сказавшая все, что она могла сказать»⁸. Тем не менее Масарик сохранял большой авторитет в некоторых кругах интеллигенции, среди крестьянства и отчасти у рабочих. Советский полпред подготовил для НКВД краткий анализ его высказываний о России, в котором показал изменение его позиции в зависимости от обстоятельств. В мае 1918 г. в телеграмме на имя Чичерина Масарик заявил: «Мы, чехословаки, любим Россию и желаем, чтобы она была сильной и свободной демократией»⁹. В речи 22 декабря 1918 г. он повторил: «Мы нуждаемся в сильной объединенной демократической федеративной России»¹⁰. 28 октября 1919 г. в речи, посвященной годовщине существования Чехословацкой Республики, ее президент крайне резко нападал на Советскую Россию, указывая, что хочет видеть «Россию могучей, но демократической»¹¹. Этот рефрен проходил красной нитью через все его речи и работы.

Летом 1920 г., в дни, когда Красная армия громила поляков и падение Варшавы ожидалось с часу на час, Масарик, правда не публично, а в беседе с Гиллерсоном, впервые высказался за необходимость сближения с Советской Россией. Президент ЧСР заявил, что «ЧСР тяготеет к французскому влиянию и хочет эмансипироваться от него. Он еще добавил, что Чешпра готово уступить [...] Прикарпатскую Русь»¹². «Я думаю, – продолжал Юрнев, – что заявление Масарика стало бы реальностью, если бы мы взяли Варшаву. Разгром Красной Армии, последовавший вскоре после этого, имел своими последствиями крутой перелом в отношении чешских политиков, а в том числе и Масарика, к нам»¹³. В новогодней статье в 1921 г. в газете *Čas* Масарик крайне резко выступил против России. По мнению Юрнева, он целиком освоил эсеровско-меньшевистскую аргументацию и заявил, что «большевистская диктатура – это аристократическая олигархия в полном смысле слова. Это не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом».

8 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0138. Референтура по Чехословакии. Оп. 4. 1922–1923. Папка 102а. Д. 8. Л. 529.

9 Там же.

10 Там же. Л. 530.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

Но переход Советской России к НЭПу несколько изменил отношение Масарика. Он неоднократно, порой довольно сочувственно, говорил об эволюции Советов (весной и в декабре 1922 г.). Статья Масарика, написанная 1 января 1923 г., была выдержана в корректных, объективных по отношению к большевикам тонах¹⁴. Юренев отмечал, что конкретности в высказываниях Масарика о России до сих пор не было и нет, но президент более оптимистически расценивал советское будущее, нежели министр иностранных дел Э. Бенеш. В заключение Юренев отмечал, что Масарик не является активным поборником сближения Чехословакии с СССР, и сожалел, что ему пока не удалось с ним лично поговорить, так как согласно этикету в этом вопросе инициативу должен был проявить президент¹⁵.

Больше всего советским представителям приходилось иметь дело с бессменным в течение первых 17 лет министром иностранных дел, а с 1935 г. вторым президентом Чехословакии Э. Бенешем. Бенеш не без основания не раз упрекал Гиллерсона и Мостовенко в связях с Коминтерном и чехословацкими коммунистами, которые занимались антигосударственной деятельностью, в материальной поддержке КПЧ¹⁶. Обсуждая вопрос о возможном торговом соглашении между странами, он заявлял о необходимости прежде решить вопрос об освобождении арестованных в России чехов и словаков¹⁷. В свою очередь советские представители в ЧСР постоянно требовали прекращения субсидирования русских эмигрантов, в частности эсеровских организаций, считая эмигрантов врагами советской власти.

В частности, П. Н. Мостовенко в январе 1923 г. сообщал заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову о том, что несмотря на то, что чехословацкое правительство уже дважды официально публиковало информацию, что в Праге только одна российская и одна украинская

14 Об этом же сообщал и Мостовенко в письме Литвинову от 10 января 1923 г., отмечая, что новогодняя статья Масарика была опубликована газетой коммунистов *Rudé Pravo*, так как в ней «даже выживший, по его словам, из ума Масарик» под напором общественного мнения был вынужден весьма благоприятно отзываться о Советской России и большевиках. – Там же. Папка 102. Д. 6. Л. 7.

15 Там же. Папка 102а. Д. 8. Л. 531.

16 См., напр., письмо П. Н. Мостовенко Г. В. Чичерину от 25 августа 1921 г.: Там же. Оп. 3. 1920–1922. Папка 102. Д. 4. Л. 242–243.

17 Письмо П. Н. Мостовенко Г. В. Чичерину от 4 августа 1921 г. – Там же. Д. 54. Л. 248–249.

миссия, тем не менее миссия Рафальского¹⁸ продолжает существовать и значится в списке дипломатических представительств. «Гирса и Бенеш уверяли меня, что она там не значится, – писал он, – тем не менее полицейский президиум продолжает давать всем справляющимся о нашей миссии адрес миссии Рафальского». Мостовенко особенно раздражало, что представители правительства ЧСР, в том числе Бенеш и Гирса, продолжали выступать с официальными речами и приветствиями на всякого рода эмигрантских съездах рядом с тем же Рафальским, презентовавшим себя в качестве российского посла. Он отмечал и активизацию деятельности Пражского Земгора¹⁹: «Большую роль в Земгоре играют только что высланные из России профессора, особенно Питирим Сорокин²⁰, являющийся здесь излюбленной персоной для всякого рода Масариков, Бенешей и прочих. Они то и дело принимают его и беседуют с ним, о чем затем торжественно в официальном порядке оповещаются газеты»²¹. Вопрос о русской эмиграции и отношении к ней чехословацкого правительства²² еще долго не сходил с повестки дня в сообщениях из Праги в Наркоминдел²³.

18 Российская миссия В. Рафальского была учреждена в Чехословакии в июле 1919 г., официально признана и финансировалась чехословацким правительством. См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 270–271.

19 Подробнее о Пражском Земгоре см.: *Серапионова Е. П.* Пражский Земгор и его деятельность // Записки русской академической группы в США. Т. XXXI. Русская Прага 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA. New York, 2001. P. 186–195; *Серапионова Е. П.* Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930). 2005. 46/4 Octobre-décembre. P. 797–816; *Серапионова Е. П.* Деятели Пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 32–41.

20 П. А. Сорокин (1889–1968) – социолог, культуролог, педагог. В 1922 г. выслан из Советской России. В ЧСР жил по приглашению Т. Г. Масарика в 1922–1923 гг. Затем переехал в США.

21 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 10 января 1923 г. – АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 6–7.

22 Подробнее о «русской акции помощи» чехословацкого правительства см.: Т. Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005; Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие / сост.: Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012 и др.

23 См. подробнее: *Серапионова Е. П.* Проблема русской эмиграции в советско-чехословацких отношениях начала 1920-х гг. // Из истории

Мостовенко сообщал, что сам Рафальский вел себя очень скромно, а Земгор решительно наглед, и был отмечен ряд случаев визирования им советских паспортов. «Правительство усиленно и вполне откровенно облегчает юридическое положение здесь белогвардейцев»²⁴, – отмечал он.

Вероятно, первоначально неудачные попытки подписания торгового договора с Чехословакией повлияли на довольно резкую характеристику, которую Мостовенко дал Бенешу, даже в сравнении с его замом В. Гирсой²⁵, в письме заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову от 17 января 1922 г. «Я очень недурно познакомился с Бенешем, – писал он. Это прежде всего очень неумный человек, очень маленького масштаба, без каких-либо принципов – без определенной линии поведения, тип мелкого приказчика, очень подходящий для теперешней чехо-словацкой внешней политики, – мелкого плутовства, поддакивания направо и налево, ловчения и т. д. – словом, весьма подходящий сюжет на роль граммофонной пластинки. Гирса – человек очень неглупый, ведущий определенную линию, знающий чего хочет. В здешней обстановке – сидеть на его месте и делать то, что он делает – можно только, интригуя направо и налево, чем он, конечно, и занимается. Во всяком случае, фактом остается то, что определенную линию он ведет, что вопрос о сближении с нами – его основная ставка, корень его карьеры. Можно принять во внимание только последнее и откинуть всякие идеологические надстройки – этого уже достаточно для правильной оценки его роли в наших делах»²⁶. Но уже через год отношение Мостовенко и к Гирсе изменилось в худшую сторону. В письме

изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. Прага, 2019. С. 38–44.

24 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 7–8.

25 Вацлав Гирса (1875–1954) – участник заграничного Сопrotивления в годы Первой мировой войны, дипломат. До Первой мировой войны работал в России врачом, хирургом, заведовал киевской земской больницей. В 1914 г. стал членом Чешского комитета, в 1917 г. – председателем Союза чехословацких обществ в России. В феврале 1918 г. вел переговоры с советским правительством о выводе Чехословацкого корпуса из России. С августа 1918 г. член Отделения ЧСНС в России, с ноября 1919 г. – представитель правительства ЧСР в Сибири. После возвращения в Чехословакию в 1921–1926 гг. был заместителем министра иностранных дел, в 1927–1935 гг. – послом в Польше, затем в Финляндии, в 1935–1937 гг. – послом в Югославии. Во время Второй мировой войны участвовал в антифашистском Сопrotивлении.

26 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 4. Л. 206.

Литвинову он подчеркивал: «Цель Гирсы – изолировать миссию и поставить ее в условия невозможности работать»²⁷.

При обсуждении условий подписания торгового соглашения чехословацкая сторона поднимала вопрос о возмещении убытков для пострадавших в результате национализации имущества «русских» чехов и словаков. Но это находило резкий отпор советских представителей. В письме Литвинову 21 февраля 1922 г. Мостовенко писал: «Чехпра мною еще с самого начала категорически было указано, что никакого вопроса о возмещении убытков не может быть даже поставлено»²⁸. Контраргументом против возмещения убытков стала ссылка на ущерб, понесенный из-за разорений, вызванных чехословацкими легионерами на советской территории²⁹. И позднее, уже в феврале 1925 г., на переговорах В. А. Антонова-Овсенко с Э. Бенешем об условиях установления нормальных дипломатических отношений именно пункт о компенсациях за национализированное имущество чехословацких граждан в России стал камнем преткновения сторон, и вопрос о признании был отложен³⁰.

Оживленный обмен мнениями относительно подписания торгового соглашения и возможности признания Советской России де-юре состоялся накануне Генуэзской конференции. Посол Чехословакии в Варшаве П. Макса заявил в беседе с сотрудником русспресса, что чехословацкое правительство и общество проникнуты горячим желанием помочь России и вывести ее из нынешнего тяжелого положения. ЧСР, по его словам, не преследовала по отношению к России никаких эгоистических целей и руководствовалась только «симпатией и сочувствием к братскому народу». Русский вопрос был, по мнению Максы, под влиянием различных политических групп умышленно искажен в представлении Европы, и европейская политика допустила много ошибок, в частности, не учла того факта, что возвращение к старым формам правления в России невозможно и что падение большевиков ввергло бы страну в состояние полной анархии. Европа, а следовательно и ЧСР, заявлял Макса, должны вступать в деловые сношения с большевиками. «Несомненно Макса, равно как и берлинский посол В. Гусар, занимают более благожелательную позицию в отношении Совроссии, чем

27 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 17 января 1923 г. – Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 25.

28 Там же. Оп. 3. Папка 102. Д. 4. Л. 209.

29 ДМИСЧО. Т. 2. С. 143.

30 Там же. С. 139.

пражские руководители внешней политики»³¹, – указывалось в сводке Отдела печати Торговой делегации РСФСР в Чехословакии, присланной в НКВД. В этом же документе говорилось о том, что социал-демократ Р. Бехине призывал к дружественному союзу с русской эмиграцией, а другой социал-демократический вождь, сенатор Ф. Соукуп, «певший панегирики Совроссии в дни наступления Красной Армии на Варшаву», заявил на митинге в ответ на вопрос об отношении партии к признанию советского правительства: «Мы за признание, но мы верим, что это признание вгонит Совпра в гроб»³². Позднее уже К. К. Юренев сообщал о социал-демократах: «В социал-демократии резко противосоветскую позицию занимают Бехине и Соукуп, но и в этой позиции мало принципиального». Он считал, что эта антисоветская позиция обусловлена партийной борьбой с коммунистами³³. А лидер национальных социалистов В. Клофач в меморандуме на имя Бенеша 18 марта 1922 г. от имени ЦК партии убедительно просил его «в кратчайший срок обратиться дипломатическим путем к московскому правительству, дабы оно прекратило массовые политические казни людей³⁴, борющихся самоотверженно против царского правительства и ставших ныне кровавой жертвой новых деспотов России»³⁵. Сам Бенеш в речи в Национальном собрании 4 апреля 1922 г. по поводу Генуэзской конференции заявил: «Мы выступали и выступаем против военной интервенции в России и против какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела русских. Но мы требуем того же и в отношении себя. Мы за установление экономических и торговых связей с Россией, за оказание помощи России в борьбе с голодом и за помощь эмиграции за границей»³⁶.

Курс на установление торговых и экономических отношений с Россией, но не признание ее де-юре, поддерживал и президент Масарик, который в письме Э. Бенешу 24 апреля 1922 г. писал: «Признание де-юре было бы крупной ошибкой [...] Можно с русскими заключить договоры, а о признании де-юре вообще не вести переговоров [...] Это должен быть торговый договор, а не политический»³⁷.

31 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 2–3.

32 Там же. Л. 10.

33 Там же. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 617.

34 Имелся в виду судебный процесс над социалистами-революционерами, подготовка к которому началась с конца 1921 г.

35 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 10.

36 ДМИСЧО. Т. 1. С. 487.

37 Там же. С. 494–495.

5 июня 1922 г. в Праге П. Н. Мостовенко и представители МИД ЧСР В. Гирса и Я. Дворжачек подписали Временный договор между РСФСР и Чехословацкой республикой³⁸. На следующий день аналогичный договор был заключен между УССР и Чехословакией. Это означало признание чехословацким правительством Украинской и Российской республик де-факто. В первой статье договора с РСФСР указывалось на возможность представительств в случае необходимости иметь отделения в важных центрах государства при согласии на это правительства страны. Здесь же отмечалось, что вопрос о признании де-юре не предрешается данным договором. В примечании к статье содержалось обязательство сторон прекратить всякие официальные отношения и лицами и организациями, имеющими целью борьбу с правительством другой страны. В договоре указывалось, что представители обеих стран будут пользоваться всеми правами и преимуществами лиц дипломатического корпуса. Они наделялись правом выдачи виз, паспортов и официальных удостоверений. Обе стороны приняли на себя обязательства воздерживаться от пропаганды, направленной против правительства, государственных органов и общественных организаций, а также социально-политической системы другой стороны, и не принимать участия в политических и социальных конфликтах. В статье 10-й подчеркивалось, что Договор не предрешает вопроса о взаимных претензиях по уплате компенсаций и восстановлению в правах ее граждан. Правительство ЧСР обязывалось оказывать поддержку почину своих граждан, направленному на содействие восстановлению экономической жизни РСФСР, а, в свою очередь, правительство РСФСР гарантировало чехословацким гражданам, которые начнут экономическую деятельность на российской территории, полную юридическую защиту личности и имущества и всестороннюю поддержку.

Чехословацкая сторона не сразу ратифицировала этот договор, что вызывало недовольство и раздражение советских представителей, хотя принципиального значения это не имело: договор был опубликован и вступил в силу³⁹. Для нажима на чехословацкое правительство и министерство иностранных дел с тем, чтобы ускорить ратификацию временного договора и добиться признания СССР де-юре, советские

38 Там же. С. 507–511; *Станков Н. Н.* Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 5–19.

39 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 19–20.

представители использовали вопрос о консульствах ЧСР на советской территории. Чехословацкая сторона была заинтересована в сохранении своих представительств в Киеве и Владивостоке, так как репатриация чехов и словаков на родину была не закончена. Советская – считала их излишними. В ноте от 21 декабря 1922 г. МИД ЧСР требовал срочно сообщить о мотивах, по которым правительство РСФСР приостановило деятельность чехословацкого представителя во Владивостоке, в то время как американскому, английскому, итальянскому, германскому и австрийскому представительствам было разрешено дальнейшее продолжение работ⁴⁰. И позднее в разговоре с Юреневым 3 мая 1923 г. В. Гирса подчеркивал необходимость сохранения консульств, указывая, что на Черноморском побережье в районе Новороссийска и Одессы имелось изрядное количество чешских колонистов, кои нуждались в некоторой связи с ЧСР, а также иногда и в защите. То же им было сказано в отношении Томского и Владивостокского консульств⁴¹.

Объясняя задержку с ратификацией договора, П. Н. Мостовенко 28 декабря 1922 г. писал М. М. Литвинову, что она связана с принятой парламентской комиссией по иностранным делам резолюцией, предлагавшей правительству найти благоприятный момент для начала переговоров в Советской России и Украиной о взаимном признании де-юре. Мостовенко считал, что если бы предложенная национальным социалистом И. Грушовским резолюция попала на заседание парламента, то, вероятно, собрала бы большинство (за нее проголосовали бы «часть аграриев, клерикалов, эсдеков, все энесы, словаки, коммунисты и немцы»). «Но, – признавался Мостовенко, – поскольку вопрос о де-юре решается в антантовском масштабе, а Бенеш глашатай именно такого способа решения его, мы от этого де-юре, конечно, дальше, чем, скажем, год назад»⁴². Далее он подробно касался позиции Бенеша и его положения в стране: «Оторваться от Антантовского блока в таком важном вопросе для Бенеша значит перестать быть Бенешем. Вся основа его карьеры и источник его авторитета здесь в том, что он “хорошо принят Антантой”. Если бы не это обстоятельство, внутри Чехословакии он уже далеко не прежний именинник, им в большой степени утерян прежний авторитет. Из фигуры, чуть что не чтимой, он превратился в нечто, всем здесь очень надоевшее; в отзывах прессы о нем за последнее время поражает полное

40 Там же. Л. 3.

41 Там же. Л. 311.

42 Там же. Л. 5.

отсутствие хотя бы тени понимания и одобрения его. Газеты одних партий самое большое молчат о нем, все прочие изрыгают энергичную хулу. Словом, Бенеш, поссорившийся с Антантой, никому здесь не нужен, и сам Бенеш, конечно, хорошо это понимает»⁴³. Далее Мостовенко жаловался Литвинову, что представители чехословацкого МИДа посещают всевозможные мероприятия русских эмигрантов, но ни Гирса, ни Бенеш ни разу у него не были. И это при том, что, по мнению Мостовенко, настроение в пользу скорейшего окончательного улаживания отношений с Россией в Чехословакии очень сильно: «Общественные круги, даже из правительственной коалиции, плохо понимают, что именно мешает этому улаживанию... Весь вопрос в загранице – Бенеш не решится... Единственный выход для Бенеша – ждать и оттягивать»⁴⁴.

Отношения Мостовенко с Бенешем явно не сложились, он считал чехословацкого министра иностранных дел «крайне озлобленным», «затравленным», но при этом «наглым». По его мнению, Бенеш просто оправдывал свое нежелание признать официально Москву ссылками на негативную позицию лидера национальных демократов К. Крамаржа. Мостовенко был сторонником жестких «фотографических» мер в отношении чехословацкого правительства⁴⁵. О Бенеше в январе 1923 г. Мостовенко писал следующее: «Отношение к русскому вопросу Бенеша сейчас особенно неприязненно-неприязненное. Я думаю, что степень неприязненности пропорциональна трудности отстаивать его точку зрения в здешних партийных и общественных кругах... Сам Бенеш производит впечатление человека, совершенно потерявшего способность владеть собой»⁴⁶. Раздосадованный невыполненной задачей добиться установления дипотношений с ЧСР, в другом сообщении Мостовенко указывал: «Сейчас вполне определилось, что в лице окружающего Бенеша созвездия мы имеем вполне устоявшегося на своей определенной точке зрения противника, противника, так сказать, закореневшего в своем упорстве»⁴⁷. Наконец отношения Мостовен-

43 Там же.

44 Там же. Л. 7.

45 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 17 января 1923 г. Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 19–21.

46 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 21 января 1923 г. – Там же. Л. 30.

47 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 6 февраля 1923 г. – Там же. Л. 32–33.

ко с чехословацким МИД настолько обострились, что он дал резкое интервью в прессе, и это послужило поводом к его отзыву.

Сменивший в апреле 1923 г. П. Н. Мостовенко К. К. Юренев в донесениях в Москву старался не просто обвинять Бенеша, но объяснять его политику. В письме Г. В. Чичерину от 26 мая 1923 г. о Малой Антанте и международных отношениях в регионе Центральной Европы он указывал: «Говоря, в частности, о Чехословакии и ее политике, надо согласиться с Вами, что в ее основе лежат не одни мотивы лакейства перед Францией и Бенешевского честолюбия. По существу отношения между Чехословакией и Францией – это отношения между слабыми и сильными со всеми последствиями, из этого обстоятельства вытекающими. Политика Бенеша глубоко “национальна”. Красной нитью проходит через нее окончательно укрепить положение ЧСР в Европе. Так называемая “великодержавная” политика ЧСР на деле является не активным стремлением расширить свои пределы, а лишь активной обороной. Международное положение Чехословакии крайне тяжело. Она окружена явными и тайными врагами»⁴⁸.

Значительную угрозу для Чехословакии Юренев усматривал в крайне протяженной границе с Австрией и Германией, враждебном окружении Венгрии и Польши и наличии национальных противоречий внутри страны. Юренев обращал внимание на то, что с трех сторон территория Чехословакии «охвачена Германией и Австрией, тяготеющей к Германии», а «чехословацкий выступ в сторону последней является как раз той частью ЧСР, где особенно силен немецкий элемент, открыто заявляющий о своем нежелании признавать “де-юре” нынешнее Чехословацкое государство. Отсюда вполне очевидна опасность, рисуемая Бенешу со стороны Германо-Австрии. Конечно, эта опасность – не вопрос ближайших дней, однако считаться с нею и принимать меры к страховке от этой опасности Бенешу как руководителю внешней политики ЧСР несомненно приходится. Гарантию своей опасности со стороны Германо-Австрии Бенеш видит в крепкой чешско-французской дружбе»⁴⁹.

Что касается Венгрии, то советский полпред подчеркивал, что она «до сих пор не отказалась от надежды на возвращение аннексированной у нее Словакии и Прикарпатской Руси». По его словам, программным минимум для Венгрии являлось «отчленение от Чехословакии

48 Письмо К. К. Юренева Г. В. Чичерину от 26 мая 1923 г. – Там же. Папка 102а. Д. 9. Л. 8–9.

49 Там же. Л. 9.

пограничной полосы с населением примерно в 200 тыс. венгров»⁵⁰, а неоднократные попытки Бенеша договориться с Будапештом неизменно оканчивались неудачей.

Юрнев считал, что Польша для Чехословакии не опасна, а территориальные споры между ними по существу незначительны. В основе их противоречий, по его мнению, лежал исторический антагонизм: «Польша дразнила Чехословакию своими заигрываниями с Венгрией, тайным покровительством так называемому временному правительству Словакии, возглавляемому Егличкой⁵¹ и спасаемому от преследований Чешпра в Польшу»⁵².

«Чехословакия, – отмечал Юрнев, – представляя из себя довольно пестрый конгломерат национальностей, недружелюбно настроенных по отношению к правящей нации, жизненно нуждается в сохранении нынешней политической географии Центральной Европы. Какие бы то ни было пересмотры мирных договоров рисуют в ее воображении грозные перспективы развала ЧСР. И так как самой ревностной хранительницей послевоенных мирных договоров [...] является Франция, то Чехословакия вынуждена держаться за нее изо всех сил», хотя дружба с Францией и не всегда для нее приятна. «Я бы даже сказал, что она очень даже неприятна им, но выхода для ЧСР другого пока нет, – продолжал он. – Вести независимую линию внешней политики она не может. Она для этого слишком неустойчива изнутри и имеет много врагов извне. Кроме того, она вообще не великая держава [здесь и далее подчеркнуто в тексте. – Е. С.]. Если твердо помнить эти обстоятельства и пользоваться ими как компасом уклонов внешней политики ЧСР, то много из того, что кажется загадочным

50 Там же.

51 Ф. Егличка – священник, первоначально деятель словацкого национального движения, депутат венгерского парламента. В 1919 г. ездил вместе с А. Глинкой на Парижскую мирную конференцию с меморандумом о необходимости автономии Словакии, затем платный агент польского и венгерского правительства, выступал за автономию Словакии в рамках Венгрии. См.: *Ferenčuhová B.* Slovensko a Malá dohoda z hľadiska geopolitiky // *Pekník M. a kol.* Pohľady na slovenskú politiku. Bratislava, 2000. S. 141; *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vzťahy 1914–1945. Bratislava, 1997. S. 100–116; *Krajčovičová N.* Pôsobenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR // *Pekník M. a kol.* Pohľady na slovenskú politiku... S. 570–571.

52 Там же. О Словакии в политике Венгрии и Польши см.: *Deák L.* Trianon – ilúzie a skutočnosť. Bratislava, 1995.

в ее действиях, объяснится весьма просто»⁵³. Из этого анализа внешне- и внутривластного положения Чехословакии Юренев делал вывод о причинах отрицательной позиции Бенеша в отношении признания СССР де-юре: «Бенеш со свойственной ему “трезвостью” учел силы Советской России, или, вернее, ее слабость. Он понял, что Россия не сможет в ближайшие годы вести активную европейскую политику и что, в частности, бессильна оказать помощь Чехословакии в случае, если та в ней будет нуждаться... Поскольку ориентация на Россию для Чехословакии означала бы разрыв с Францией и изоляцию, постольку Бенеш является поборником идеи неактуальности русского вопроса для ЧСР. Сближение с нами имело бы своими последствиями для ЧСР сильное охлаждение с Польшей и несомненное усиление словацкой ирреденты. Опасность со стороны Венгрии усилилась бы. Возможно, что сама Малая Антанта потерпела бы крах, ибо Румыния, связанная с Польшей гораздо сильнее, чем с Чехословакией, могла бы выйти из рядов нынешнего блока маленьких государств Центральной Европы»⁵⁴.

Задумываясь над условиями возможного изменения внешнеполитической ориентации ЧСР, Юренев в следующем сообщении из Праги писал: «Действенная ориентация ЧСР на нас возможна лишь в том случае, если мы территориально приблизимся к ней. До тех пор пока между нами и Чехословакией возвышается сомкнутый польско-румынский вал, надеяться на коренное изменение политики ЧСР в русском вопросе трудно. Конечно, в случае улучшения франко-русских отношений Чехословакия не замедлит проявить свои симпатии к “родственному народу”, возможно даже, что, учтя уклон Франции в нашу сторону, ЧСР предупредит своего патрона и постарается забежать вперед его, протягивая нам руку “дружбы”»⁵⁵. Советский полномочный представитель считал, что чем сильнее и стабильнее станет СССР, тем быстрее произойдет переориентация чехословацкой внешней политики.

В другом письме от начала июня 1923 г. К. К. Юренев писал Г. В. Чичерину: «Я совершенно согласен с Вами в том, что мы должны [...] ускорить “изжитие чехословацкими правящими кругами” ориентации на демократическую Россию, и я еще добавлю от себя – на Францию»⁵⁶. В заключение этого же сообщения он напоминал советскому наркому,

53 АВП РФ. Оп. 4. Папка 102а. Д. 9. Л. 10.

54 Там же.

55 Там же. Л. 12.

56 Там же. Л. 2.

что сближению ЧСР с СССР противодействуют не только Франция и «коллеги» ЧСР по Малой Антанте, но и ряд политических партий внутри самой страны. Среди них, называл клерикалов, национал-демократов, аграриев. «Их позиция по отношению к нам становится все более и более враждебной – отмечал он. – Если полгода тому назад нашим заклятым врагом была главным образом партия Крамаржа (национальных демократов), то теперь к ней присоединились клерикалы и аграрии. Чешские социал-демократы – тоже наши враги»⁵⁷. На конференции чехословацких легионеров в июне 1923 г. национальный социалист Патејдл заявил, что отношение ЧСР к Советской России не может отличаться от отношения к ней большинства европейских государств, в особенности Большой Антанты⁵⁸.

Часто советские представители не только сами характеризовали чехословацких политиков, но передавали в центр характеристики, услышанные от других. Юренив в октябре 1923 г. пересказывал слова бывшего редактора газеты *Ѓас Гловача*: «Гловач довольно подробно говорил о Бенеше, характеризовал его как талантливое дипломата, но никуда не годного руководителя министерством, говорил, что ЧСР имеет хорошую внешнюю политику, но лишена работающего аппарата Мининдела. Гирса, по словам собеседника, держится Бенешем специально на ампула козла отпущения. В случае срыва в Восточной политике Бенеш всю ответственность за это возложит на Гирсу. Так было уже не раз»⁵⁹.

Но вначале выдержанная и разумная позиция Юренива постепенно сменилась раздражением в отношении чехословацких политиков. В августе 1923 г. он писал в Москву: «До сих пор Чешпра ведет по отношению к нам лживую, лицемерно-нелояльную политику. Мало того, что оно не ратифицирует “временный договор” с нами, оно прямо нарушает его, финансируя антисоветские образования и явно контактируя с ними»⁶⁰. Любопытно, что, рассуждая о возможности правого переворота в Германии, он писал Чичерину: «Если в Германии произойдет монархический переворот, то Чехословакии, зажатой между Германией и германофильской реакционной Венгрией, грозит

57 Там же. Л. 3.

58 Информационный доклад С. С. Александровского М. М. Литвинову от 30 июня 1923 г. – Там же. Д. 8. Л. 433.

59 Там же. Л. 626.

60 Письмо К. К. Юренива Г. В. Чичерину от 16 августа 1923 г. – Там же. Папка 102а. Д. 9. Л. 16.

страшная опасность. Но чем Россия могла бы, если бы даже и хотела этого, помочь Чехословакии? Я отвечаю – ничем»⁶¹.

Выдержки из дневника секретаря полпредства С. С. Александровского свидетельствовали о том, что чехословацкое правительство продолжало держать курс на «будущую демократическую Россию», сотрудничало с русскими эмигрантами и поддерживало их. Бенеш избегал разговоров о признании. Отвечая на замечания наркома иностранных дел, Юренев оправдывался: «Сближение с ЧСР – в наших интересах. К этому мы и стремимся. Вся беда лишь в том, что наши средства воздействия на нее крайне незначительны. Наш “главный козырь” (в “малой игре”) – это заинтересованность ЧСР в организации ряда консульств на территории СССР»⁶². И в дальнейшем советские представители пытались использовать вопрос о чехословацких консульствах в СССР в своих интересах. Юренев докладывал Чичерину: «Что касается претензий Чешпра на открытие в СССР ряда консульств (Одесса, Новороссийск, Владивосток, Омск и т. д.), то я считаю возможным начать конкретные разговоры на эту тему лишь после 1) ратификации нашего договора парламентом ЧСР; 2) полного “истребления” миссии Рафальского; 3) отказа Чешпра от финансовой поддержки эмигрантских штабов (Земгор, Громадский комитет)»⁶³.

В 1923 г. в СССР побывал бывший личный секретарь Масарика, сотрудник отдела печати чехословацкого МИД Я. Папоушек, находившийся в близком окружении Бенеша и считавшийся экспертом по русским делам. По поводу него и его поездки в Москву секретарь полпредства С. С. Александровский сообщал заведующему отделом Запада Наркоминдела тов. Штанге: «Отношение Папоушека к нам чрезвычайно благожелательное, и его нужно расценивать весьма высоко с точки зрения его значения в Минделе. Я обещал ему всяческое содействие здесь и в Москве. На днях он едет в Москву под соусом осмотра с.-х. выставки, но его поездка имеет более серьезное значение. Он планирует беседу с Чичериным. Он специально интересуется и изучает историю чехословацкого движения во время войны, в частности в России. У него есть некоторые косвенные указания на то, что в 1916 г. чешское освободительное движение в России встретило решительное сопротивление царского правительства. Есть указания, что в этом смысле

61 Там же. Д. 8. Л. 485–486.

62 Там же. Д. 9. Л. 17.

63 Письмо К. К. Юренина Г. В. Чичерину от 28 сентября 1923 г. – Там же. Л. 70.

в чешские дела дважды впутывался Распутин, и т. д. Но у него нет документальных данных об этом периоде чешского движения, он надеется с нашей помощью достать необходимый материал из бывшего архива МИД, а может быть, и из других мест»⁶⁴.

Ему была предоставлена возможность работы в архивах по изучению политики царского правительства во время войны, в частности в отношении чехословацкого вопроса. В критике царизма задачи ЧСР и СССР полностью совпадали⁶⁵. Папоушек встречался с Г. В. Чичериным и имел с ним беседу, в которой настаивал на более активной деятельности по сближению двух стран. По этому поводу Юрениев писал в советскую столицу: «Папоушек – это разведка Мининдела, высланная к нам в Россию... Папоушек не краснея разыгрывал из себя наивного дурачка и объяснял Земгор, Рафальского и т. д. так, как это не смеет делать ни Гирса, ни Бенеш»⁶⁶.

Юрениев рассказал В. Гирсе об идеях, высказанных Папоушеком в Москве, на что не последовало ровно никакой реакции, после чего полпред СССР в Чехословакии записал в донесении в центр: «Отличительной особенностью чехословацких деятелей – в их отношениях к России, является то обстоятельство, что они на стороне, в нейтральных государствах или приезжая к нам, расточают ласковые речи, у себя же в стране отгораживаются от нас внушительной стеной... Повторяю то, что я говорил уже не раз, – строить свои расчеты на приятных разговорах чешских политиков – значит строить здание на песке»⁶⁷.

Интересно заметить, что советские представители совсем по-разному иногда оценивали одних и тех же чехословацких политических деятелей. Вышеприведенной достаточно позитивной характеристике В. Гирсы, данной Мостовенко, несколько противоречит оценка Гирсы Юрениевым, который в письмах Чичерину называл его «мешковатым» и «недалеким»⁶⁸.

Иногда в поле внимания советских представителей в Праге попадали и другие политики. При том, что Мостовенко был невысокого

64 Там же. Д. 8. Л. 487 об.

65 Результатом этой работы стала изданная в 1927 г. книга Я. Папоушека «Царская Россия и наше освобождение» (*Papoušek J. Carské Rusko a naše osvobození. Praha, 1927*).

66 АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 9. Л. 35.

67 Письмо К. К. Юрениева Г. В. Чичерину от 21 сентября 1923 г. – Там же. Л. 50.

68 Письмо К. К. Юрениева Г. В. Чичерину от 4 октября 1923 г. – Там же. Л. 77.

мнения о деятелях КПЧ, в письме Чичерину от 29 августа 1921 г. об организации помощи голодающей России Мостовенко высказался относительно лидера чехословацких коммунистов следующим образом: «Приходится признать, насколько действительно крупной, государственного масштаба фигурой является этот самый Шмераль»⁶⁹. К. К. Юренев в своем дневнике 12 апреля 1923 г. записал о Шмерале: «умный, хитрый, с большим резервом человек»⁷⁰.

Но не только в отношении соратников по идеологии иногда следовали благожелательные характеристики. В связи с покушением на министра финансов А. Рашина П. Н. Мостовенко в письме М. М. Литвинову от 10 января 1923 г. так характеризовал этого деятеля: «Рашин действительно был крупнейшим из здешних государственных людей и являлся не только автором, но и проводником весьма стройного плана внутренней политики здесь... Даже Рашина с его силой воли, уверенностью в себе и другими качествами, характерными для крупного государственного человека, было трудно проводить свой план в обстановке здешней напряженности и неразберихи...»⁷¹.

Подтверждением тезиса, что всех попадавших в поле внимания чехословацких деятелей советские представители рассматривали исключительно с точки зрения того, может ли он пригодиться для реализации собственных целей, являются замечания относительно писателя, бывшего легионера в России Я. Кратохвила. В дневнике Юренева от 27 мая 1923 г. находим запись: «Был у меня Кратохвил, известный легионер, автор крайне ценной для нас книжки “Пути революции”. Он стоит на Советской платформе, но к компартии не принадлежит. Сообщил, что собирается съездить в Москву. Что его тянет туда – на свежий воздух из душной мещанской атмосферы ЧСР»⁷². Вероятно, с Кратохвилем были установлены доверительные отношения, так как он информировал советских представителей о выступлении Бенеша на собрании легионеров 23 июня 1923 г. Бенеш, по его словам, высказался за признание России, но в согласии с другими странами, за торговые сношения, и признал, что исключение России из системы европейских государств неблагоприятно сказывается на всей европейской жизни⁷³.

69 Там же. Оп. 3. Папка 102. Д. 4. Л. 225.

70 Там же. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 241.

71 Там же. Папка 102. Д. 6. Л. 15.

72 Там же. Папка 102а. Д. 8. Л. 379.

73 Там же. Ф. 0198. Полпредство СССР в Чехословакии. Оп. 5. Папка 5. Д. 10. Л. 19.

Буквально через несколько дней Юренев записал в своем дневнике по поводу шефа прессбюро чехословацкого МИД Я. Гаека: «Это очень тертый, продувной господин, политически ничего из себя не представляет, но имеет вес, будучи крайне приближенным к Бенешу»⁷⁴. Он также передавал слова представителя посольства Королевства сербов, хорватов и словенцев в Праге Ключича о национальных социалистах Гаеке и И. Грушовском: «Первый [...] мелочный, трусливый, ненадежный человек. Второй – человек небольшой, но честный»⁷⁵.

В отношении брата В. Гирсы Йозефа Гирсы, являвшегося представителем Чехословакии в Москве, секретарь полпредства С. С. Александровский писал: «Московский Гирса в министерстве [имелся ввиду МИД ЧСР. – Е. С.] не пользуется репутацией умного человека»⁷⁶. Да и сам он называл Й. Гирсу «неостроумным»⁷⁷. Юренев в своем дневнике записал: «7 сентября был у меня на обеде московский Гирса “Иосиф Иосифович”. Это средней руки практик, мешковат, в политике разбирается не дюже блестяще; хитер. Мещанин до мозга костей. Разговор наш был весьма многогранен, говорили, конечно, о русско-чешских отношениях. Главную помеху в улучшении таковых Гирса усматривает в коминтерновской сути нашего правительства. Гирса не обнаруживает к нам чрезмерных симпатий и этим отличается от своего брата, который всегда и с большой “искренностью” объяснялся нам в любви... Много и сочно бранил поляков»⁷⁸.

Ища подходящие кандидатуры, чтобы осуществить свою стратегическую задачу – выйти из международной изоляции, советские представители обращали внимание и на словацких политиков. При этом они использовали самые разные источники. По словам Юренева, словацкий ирредентист профессор и священник Егличка «не имеет никакого влияния в Словакии, продается на все стороны»⁷⁹. Сотрудник советского представительства Р. Якобсон передавал слова Ключича об аграриях: «Из аграриев виднейшую роль во внешней

74 Дневник К. К. Юренева от 1 июня 1923 г. – Там же. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 384.

75 Дневник К. К. Юренева от 9 октября 1923 г. – Там же. Л. 633.

76 Дневник С. С. Александровского с 9 по 14 июля 1923 г. – Там же. Л. 447.

77 Там же. Л. 471.

78 Там же. Л. 521.

79 Там же. Л. 613.

политике играет министр Ходжа⁸⁰ (ословаченный серб!). Ходжа якобы – убежденный сторонник ориентации Чехословакии на славянский Восток – Югославию и Россию (безразлично какую). Он решительный противник западной концепции. Это человек высокой культурности и больших международных связей. Швевла⁸¹ готовит его на пост министра иностранных дел, и это наиболее серьезный конкурент Бенеша. (Ключич подтвердил то, что известно и нам, и Юреневу.) Поэтому югославянское посольство должно соблюдать в сношениях с ним большую сдержанность и осторожность, чтобы не испортить отношений с Бенешем»⁸². А передавая разговор с латвийским консулом в Праге Крастом, Юренев 13 декабря 1923 г. писал в Москву: «Против Бенеша большая закулисная кампания. Во главе нее стоят аграрии, проектирующие на пост министра иностранных дел одного из членов своей партии – г. Ходжу». Со ссылкой на Краста и другие источники Юренев давал ему следующую характеристику: «Очень хороший политик, умный человек и единственный серьезный соперник Бенеша. Соперничавший с последним чехословацкий посол в Париже – господин Оуский – величина гораздо менее значительная, чем Ходжа»⁸³.

Ключич называл еще одного агрария, к которому рекомендовал присмотреться советским представителям: «Близким к Ходже человеком и видным аграрным деятелем в вопросах внешней политики является Богдан Павлу. Это также человек определенно восточной концепции, его позиция по отношению к Советской России сильно изменилась за последнее время, из резкого врага ее он стал постепенно адептом сближения с ней». Ключич предлагает Якобсону устроить знакомство с Павлу, чехословацким послом в Софии⁸⁴. Вероятно, не случайно, что в 1935–1937 гг. именно Б. Павлу стал первым послом Чехословакии в СССР.

Кроме всего прочего существовал большой соблазн – неудачи в выполнении задачи получить дипломатическое признание списать за счет своих предшественников. Так, Юренев отмечал: «В чешско-русских отношениях еще не изжиты следы прежних недоразумений.

80 В исторической литературе устоялось написание его фамилии как Годжа.

81 А. Швевла (1873–1933) – лидер аграрной партии, в 1918–1920 – министр внутренних дел, в 1922–1929 – председатель правительства ЧСР.

82 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 633.

83 Там же. Л. 912.

84 Там же. Л. 633.

Три представителя Советской России в Праге знаменуют три этапа в истории русско-чешских отношений. Относительно Гиллерсона правительство прекрасно знало, что он интенсивно вмешивается во внутренние дела Чехословакии и принимает активное участие в политике чешских коммунистов. Это не могло содействовать упорядочению отношений. Мостовенко приехал с наилучшими намерениями, но условия были неблагоприятны, Мостовенко затравили, и в результате отношения окончательно испортились. Апогеем было интервью в “Виртшафт”, после которого, конечно, уже не могло быть никакого взаимного доверия. Несомненно, психологически еще остались некоторые следы этого недоверия, несмотря на то, что третий этап, работа нынешнего представителя, знаменует собой установление гладких отношений. Все же тот факт, что создалась возможность спокойно разговаривать, является несомненным прогрессом». Стараясь объяснить позицию Бенеша, Юренев здесь же достаточно критически оценивал и советскую политику: «Бенеша особенно раздражал и заставлял быть сдержанным в политике по отношению к советской России тот факт, что советская внешняя политика была чрезвычайно непостоянна, и никогда нельзя было быть уверенным в ее завтрашнем дне. Она то ставила на германскую революцию, то отказывалась от этой ставки». Бенеш формулировал это так: «Я готов делать политику с Советами, но для того, чтобы делать политику, надо делать ее с кем-то, но я не знаю, с кем эту политику делать, ввиду крайней неопределенности и ненадежности тех факторов, с которыми имеешь дело, приходится строить на песке, а когда строишь на песке, то приходится ежеминутно заново зондировать условия, и это все чрезвычайно затрудняет работу»⁸⁵.

Вступивший в должность советского полпреда в Праге в июле 1924 г. В. А. Антонов-Овсеенко при вручении Бенешу верительных грамот также ссылался на существовавшие ранее «недоразумения» и «некоторый холодок» в отношениях между двумя странами и заверял в намерении всемерно содействовать сближению стран⁸⁶. Однако и Антонову-Овсеенко не удалось реализовать эту задачу. В конце октября 1924 г. Чичерин в телеграмме на его имя сообщал о своем выступлении на сессии ЦИК о Бенеше: «Его и Масарика отношение к нам не изменилось. Он рассчитывает на восстановление у нас буржуазного строя и готовит к этому моменту государственных людей

85 Там же. Л. 619.

86 ДМИСЧО. Т. 2. С. 110.

из белогвардейцев. Бенеш жертвует интересами чехословацкой промышленности ради любви к эсерам. Мы многократно пытались его убедить улучшить отношения, но тщетно. Он кормит и обучает государственных преступников, как бы содержит притон таковых»⁸⁷. Это выступление не осталось незамеченным чехословацкими дипломатами, о чем и сообщил М. М. Литвинову Й. Гирса в ответ на его упреки, что Чехословакия не хочет установления нормальных дипломатических отношений⁸⁸. В беседе с Антоновым-Овсеенко 8 апреля 1925 г. Бенеш ссылаясь на неуступчивость К. Крамаржа в вопросе признания и свое нежелание развалить из-за этого правительственную коалицию⁸⁹.

Не удалось достичь соглашения о признании де-юре и А. Я. Аросеву. По этому поводу Э. Бенеш в сентябре 1933 г. вновь указывал на «внутренние трудности», а также после подписания пакта о ненападении странами Малой Антанты решение о признании должно было приниматься уже всеми тремя государствами⁹⁰.

Дипломатическое признание СССР было получено лишь 9 июня 1934 г.⁹¹ Причем подписавший чехословацкую ноту о признании Э. Бенеш сослался на коллективное решение Малой Антанты установить дипломатические отношения с СССР.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т. 1. М.: Наука, 1973. 552 с.; Т. 2. М.: Наука, 1977. 636 с.

Пацнер К. Как советские спецслужбы вели подрывную работу в Чехословакии // ИноСМИ. URL: inosmi.ru (дата обращения: 17.04.2020).

Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие / сост.: Л. Бабка и И. Золотарев. Прага: Русская традиция, 2012. 360 с.

Серационова Е. П. Деятели Пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 32–41.

87 Там же. С. 119.

88 Там же. С. 126–127.

89 Там же. С. 147.

90 Там же. С. 556.

91 Ноты об установлении дипломатических отношений см.: Там же. С. 593–594.

Серапионова Е. П. Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // *Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930)*. 2005. 46/4 Octobre-décembre. P. 797–816.

Серапионова Е. П. Пражский Земгор и его деятельность // *Записки русской академической группы в США. Т. XXXI. Русская Прага 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA. New York, 2001. P. 186–195.*

Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1.

Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года – февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

Т. Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М.: Русский путь, 2005. 256 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Deák L. *Trianon – ilúzie a skutočnosť*. Bratislava: Kubko Goral, 1996. 32 s.

Ferenčuhová B. *Slovensko a Malá dohoda z hľadiska geopolitiky* // *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000. S. 134–145.

Krajčovičová N. *Pôsobenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR* // *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000. S. 569–584.

Papoušek J. *Carské Rusko a naše osvobození*. Praha: Orbis, 1927. 186 s.

Rychlík J. *Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945*. Bratislava: Academic Electronic Press; Praha: Ústav T. G. Masaryka, 1997. 363 s.

References

Deák, L. *Trianon – ilúzie a skutočnosť*. Bratislava: Kubko Goral, 1996, 32 p.
Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii (DMISChO). Vol. 1. Moscow: Nauka, 1973, 552 p.; Vol. 2. Moscow: Nauka, 1977, 636 p.

Cheshsko-Slovatskii (Chechoslovatskii) korpus 1914–1920. Dokumenty i materialy. Vol. 2. Chechoslovatskie legiony i Grazhdanskaia voina v Rossii 1918–1920 gg. Moscow: Kuchkovo pole, 2018, 1024 p.

Ferenčuhová, B. "Slovensko a Malá dohoda z hľadiska geopolitiky." *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000, pp. 134–145.

Krajčovičová, N. "Pôsobenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR." *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000, pp. 569–584.

Papoušek, J. *Carské Rusko a naše osvobození*. Praha: Orbis, 1927, 186 p.

Patsner, K. *Kak sovetskie spetssluzhby veli podryvnuiu rabotu v Chekhoslovakii*. URL: inosmi.ru (accessed: 17.04.2020).

Russkaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii. Istoriia, znachenie, nasledie, compl. by L. Babka, I. Zolotarev. Prague: Russian tradition, 2012, 360 p.

Rychlík, J. *Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945*. Bratislava: Academic Electronic Press; Praha: Ústav T. G. Masaryka, 1997, 363 p.

Serapionova, E. P. "Deiateli Prazhskogo Zemgora." *Slavianovedenie*, 2015, No 4, pp. 32–41.

Serapionova, E. P. "Prazhskii Zemgor i ego deiatel'nost'." *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA. Vol. XXXI. Russkaia Praga 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA*. New York, 2001, pp. 186–195.

Serapionova, E. P. "Otnosheniia Prazhskogo i Parizhskogo Zemsko-gorodskikh komitetov." *Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930)*. 2005. 46/4 Octobre-décembre, pp. 797–816.

Stankov, N. N. Pervyi sovetsko-chekhoslovatskii dogovor: ot proekta do podpisaniia (2 apreliia 1921 – 5 iiunia 1922 goda). *Slavianovedenie*, 2022, No 3, pp. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1.

Stankov, N. N. "Sovetskii predstavitel' v Chekhoslovakii P. N. Mostovenko protiv emissarov Kominterna (iiun' 1921 goda – fevral' 1923 goda)." *Slavianovedenie*, 2020, No 3, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

T. G. Masarik i "Russkaia aktsiia" chekhoslovatskogo pravitel'stva. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia T. G. Masarika. *Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Russian way, 2005, 256 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

E. P. Serapionova

**Czechoslovak politicians in Soviet diplomatic reports
and the issue of establishing official relations
between Czechoslovakia and Russia / USSR (early 1920s)**

Elena P. Serapionova

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. Czechoslovak politicians in Soviet diplomatic reports and the issue of establishing official relations between Czechoslovakia and Russia / USSR (early 1920s) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 77–102 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

Received: 28.11.2023.

Revised: 23.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article analyzes the reports of Soviet representatives to the People's Commissariat for Foreign Affairs about the views and policies of Czechoslovak state and political figures regarding Russia (the USSR) in the 1920s. Trying to achieve official recognition of Soviet Russia, and then the USSR, the heads of the Soviet mission in the Czechoslovak Republic S.I. Gillerson, P. N. Mostovenko, K. K. Yurenev, V. A. Antonov-Ovseenko, A. Ya. Arosev reported to G. V. Chicherin and M. M. Litvinov about the positions of the president, ministers, heads of political parties, diplomats of Czechoslovak Republic on this issue. At the same time, they often gave detailed characteristics of Czechoslovak figures, pointed out the internal factors and external reasons that prevented the ratification of the temporary Soviet-Czechoslovak agreement of 1922 and the establishment of diplomatic relations between the two countries. In addition, in these reports were recorded changes in the positions of individual politicians towards Russia depending on external circumstances. The documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation and published materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations, used by the author, help to understand better the problematic nature of the relations between the two countries.

Keywords

Czechoslovak politicians, recognition of the USSR, Soviet representatives in Czechoslovakia.